

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Татьяна ЗАСЛАВСКАЯ

О социально-трансформационной структуре российского общества¹

В качестве целей, легитимирующих реформирование постсоциалистических обществ, обычно рассматриваются: формирование сильного правового государства, демократизация политической власти и общественной жизни, становление конкурентной рыночной экономики со сбалансированным развитием государственного и частного секторов, повышение качества жизни и рост благосостояния народа. Однако фактические результаты трансформации этих обществ оказались иными. В России вместо сильного правового возникло слабое криминализованное государство, где господствуют правовой беспредел и тотальная коррумпированность властных структур. Вместо конкурентного рынка, базирующегося на активности мелких и средних предпринимателей, сформировался полукриминальный монопольный рынок, главными действующими лицами которого являются квазигосударственные промышленно-финансовые корпорации. Национальное производство неуклонно сжимается, падает уровень благосостояния граждан, доходы 10% наиболее богатых семей в 20 раз превышают доходы наиболее бедных. Обобщающим социальным итогом реформ служит снижение ожидаемой продолжительности жизни россиян на 4-5 лет. Таким образом, результаты трансформационных процессов, возникших под влиянием реформ, скорее противоположны тем целям, ради которых они начинались².

Чаще всего это объясняют ошибками реформаторов, недостаточным знанием и пониманием ими России. В действительности, однако, правящий слой, в основном сохранивший свои позиции, использовал период демократической эйфории для реализации собственных интересов. Под прикрытием либеральных идей частично обновленная элита успешно овладела политической властью, государственной собственностью и финансовыми ресурсами страны, в то время как остальная часть общества стала жертвой обмана и самообмана.

Определенную ответственность за это несет общественная наука, которая не смогла своевременно дать правильную оценку социальной направленности происшедших перемен и вероятных результатов преобразований, исходя из направленности интересов и соотношения сил главных участников процесса. Восполнению этого недостатка, на наш взгляд, может способствовать разработка концепции социального механизма трансформации постсоциалистических обществ. Она исходит из того, что в основе протекающих в этих странах трансформационных процессов лежат относительно устойчивые социальные механизмы, общее принципиальное устройство которых сочетается с существенными национальными особенностями, предопределяющими межстрановые различия в направлениях социальных

преобразований. Принципиальное устройство этого механизма кратко описано в одной из наших работ³, поэтому ниже более конкретно рассматривается лишь один из его элементов — социально-трансформационная структура общества.

Подойти к этому предмету можно через понятие трансформационной активности социальных субъектов.

Трансформационная активность и ее субъекты.

Под трансформационной активностью понимается совокупность таких действий индивидов, организаций и групп, которые прямо или косвенно вызывают сдвиги в базовых общественных институтах. Трансформационная активность амбивалентна по отношению к «добру» и «злу»: она охватывает не только конструктивную модернизаторскую, но и консервативно ориентированную реставрационную деятельность. Главными формами такой активности служат: а) целенаправленное реформирование общественных институтов; б) практическая инновационно-предпринимательская деятельность; в) адаптационное и реактивно-протестное поведение. Социальная направленность, интенсивность и степень согласованности названных форм активности — ключевые факторы развития реформ.

Конкретные формы и виды трансформационной активности нередко реализуются разными социальными субъектами. Например, целевой реформаторской деятельностью занимаются главным образом представители правящего слоя, в то время как поведение, выражающее социальный протест, характерно для представителей нижних слоев. Однако связь между содержанием активности и статусом социальных субъектов не однозначна. Чтобы перейти от классификации форм трансформационной активности к типологии субъектов общественных преобразований, посмотрим, какие требования к ним предъявляет участие в каждой форме активности.

Целенаправленной реформаторской деятельностью, как правило, занимаются сплоченные команды единомышленников, обладающие достаточно высоким статусом и возглавляемые сильными лидерами. В них входят представители верхних звеньев исполнительной власти, силовых структур, парламента, политических партий, а также примыкающие к ним идеологи. Конкретная направленность этого вида деятельности зависит от культурных характеристик ее участников: доминирующей системы ценностей, социально-политических взглядов, мотивированности групповыми или общественными интересами, уровня правосознания и морали. Эффективность же реформаторской деятельности во многом определяется компетентностью субъектов, их политической волей, знанием социальной реальности, умением предвидеть прямые и косвенные результаты принимаемых решений, самокритичностью и способностью к своевременному исправлению ошибок.

Для активного участия в инновационно-предпринимательской деятельности ее субъектам необходимы прежде всего образование, финансовый капитал и социальные связи. Из личностных качеств особенно важны инициативность, деловая хватка, готовность к риску и преодолению препятствий, стремление к независимости и профессионализм. Этим типом деятельности занима-

¹ Настоящая статья является обновленным вариантом статьи, опубликованной в журнале «Общество и экономика» (1999. № 3, 4).

² Более подробно об этом см.: Заславская Т. И. Социальные результаты реформ и социальная политика // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 3-11.

³ Заславская Т. И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ. 1998. № 3.

ются руководящие группы предприятий и фирм, органов местного самоуправления, средств массовой информации, негосударственных организаций, общественных движений. К другому типу ее субъектов относятся специалисты, иницирующие и внедряющие новые формы экономических и социальных отношений, а также лица свободных профессий.

Человеческое поведение более индивидуализировано и разнообразно, чем деятельность. Носителями различных стратегий поведения являются индивиды и группы, объединяемые сходными нормами-ценностями, типами менталитета, условиями жизнедеятельности. В целом же в качестве субъектов трансформационной активности выступают и физические лица, и малые группы, и трудовые коллективы, а также организации, органы управления, партии и движения. При этом индивиды и группы одновременно реализуют разные типы трансформационной деятельности и поведения.

Переход от анализа форм трансформационной активности к выделению типов ее макросубъектов возможен лишь при высоком уровне обобщения. Речь здесь должна идти о субъектах относительно небольшого числа укрупненных типов активности, т.е. о широких общностях индивидов, сходство объективного положения и (или) социокультурных характеристик которых обуславливает единство трансформационных функций. Правда, крупные социальные общности (категории, группы, слои), объединенные сходными взглядами, интересами и, главное, стремлением к солидарному действию, пока еще только формируются: их очертания очень расплывчаты, интересы слабо артикулированы, общие цели не осознаны. Это предтечи тех солидарностей и идентичностей, которым лишь предстоит сложиться в процессе формирования гражданского общества. Но несмотря на свою незрелость, они привлекают большое внимание ученых.

Трансформационная структура общества. Этим термином мы обозначаем систему социальных макросубъектов, взаимодействие и борьба которых служат движущей силой качественной трансформации постсоциалистических обществ. Потребность в изучении этой структуры связана со стремлением понять, кто в конечном счете «несет ответственность» за сдвиги, происходящие в институциональной и социально-групповой структурах общества, какие социальные силы — сознательно или неосознанно — содействуют модернизации, консервации или реставрации общественного устройства и какими способами они этого добиваются. Понимание этого вопроса, на наш взгляд, исключительно важно для выработки эффективной стратегии дальнейших реформ.

Трансформационная структура отражает системное качество общества, особо значимое в период крутых перемен, — а именно его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития. Это качество определяется соотношением и сравнительной активностью тех общественных сил, которые борются, с одной стороны, за либерально-демократические преобразования, а с другой — за возрождение и консервацию устаревших институтов. Мера этого качества можно назвать *социально-инновационным или реформаторским потенциалом общества*.

Трансформационная структура характеризует качество всего общества как целостности, включающей как социально активные, так и консервативно-периферийные группы. В этом смысле данное понятие противостоит точке зрения, согласно которой чуть ли не единственными и, уж во всяком случае, главными субъектами трансформационных процессов служат элиты и су-

бэлитные группы. Вот одно из подобных высказываний: «Субъекты перехода... — это, очевидно, прежде всего новые элитные группы, городские и сельские предприниматели, а также та часть старых хозяйственных и других элит, которая по тем или иным причинам заинтересована в реформах. Это и есть новые авангардные группы. Именно доля этих групп и динамика их ориентации должны нас интересовать в первую очередь, если мы хотим понять направленность и уловить темп реформ в экономике, если намереваемся прогнозировать их ход»⁴. На наш взгляд, сказанное хотя и верно, но односторонне, поскольку прерогативой названных групп служат некоторые, хотя и важные, виды трансформационной активности.

Изучение трансформационной структуры общества предполагает определение природы составляющих ее элементов, обоснование методов их идентификации. В основе функций, выполняемых элементами данной структуры в трансформационном процессе, равно как и вызываемых ими дисфункций, лежат характерные для них (доминирующие) типы активности. Сложность определения названных элементов связана с тем, что большинство социальных микросубъектов совмещает разные виды трансформационной активности. Дело несколько облегчается тем, что эти виды можно ранжировать по силе влияния на трансформационный процесс. Например, целенаправленная реформаторская деятельность оказывает большее влияние на преобразование общества, чем участие в локальных инновациях; последнее же, в свою очередь, приоритетно по отношению к адаптационному или протестному поведению. То же можно сказать и о конкретных направлениях активности. Например, коррумпированные представители правящего слоя, на наш взгляд, утрачивают роль реформаторов, переходя в группу криминалов. Сказанное позволяет типологизировать индивидов, организации и группы в зависимости от тех форм и видов активности, которые определяют характер их главного вклада в трансформационный процесс.

Вертикальная проекция трансформационной структуры. Место социальных субъектов в трансформационной структуре существенно зависит от их положения в иерархии власти и собственности, определяющего содержание и возможности реализации их интересов. Разумеется, представители крупных общественных слоев не однородны по своим ценностям и потребностям, отношению к либеральным реформам, механизмам участия в преобразовании институтов, способам трансформационного поведения. Однако место субъектов в общественной иерархии в значительной мере определяет возможности, механизмы и силу их влияния на трансформационный процесс. Социальный статус сказывается как на содержании, так и на масштабах конструктивной и деструктивной активности субъектов. Возьмем хотя бы такой вид деструктивного поведения, как воровство. Если мелкое воровство представителей социального дна нередко служит способом выживания и часто сдерживает более разрушительные способы поведения, то крупные финансовые аферы государственной бюрократии, осуществляемые за счет массовых общественных групп, способны принципиально изменять реальное направление реформ, поворачивая их из либерально-демократического в традиционное, к сожалению, для России криминальное русло.

⁴ Дискин И. Е. Россия: трансформация и элиты. М.: «Элтра», 1995.

Современное российское общество состоит из правящего, верхнего, среднего, базового и нижнего слоев, а также социального дна, особенности которых описаны в наших прежних работах⁵. Каковы же особенности трансформационной активности этих иерархических слоев?

Правящий и верхний слои обладают важнейшими рычагами управления обществом. Их представители обосновывают главные направления реформ, облачают их в форму законов, организуют и контролируют институциональные преобразования, а также участвуют в крупномасштабной инновационно-предпринимательской деятельности.

Разные группы среднего слоя надо рассматривать дифференцированно. Так, среднее звено чиновничества руководит практической реализацией реформ на местах; бизнес-слой реализует социально-экономические инновации; профессиональные идеологи и гуманитарии обеспечивают политическое сопровождение реформ, преобразуют институты социальной сферы. Оппозиционное крыло среднего слоя выступает критиком осуществляемых мер, идеологом альтернативных программ, организатором новых гражданских структур. В целом активностю среднего слоя — важный фактор трансформационного процесса. Ее главным содержанием служит распространение и закрепление результатов реформ, препятствующее реставрации прежних порядков.

Базовый слой с немалым трудом адаптируется к новым условиям, он озабочен в первую очередь проблемами физического и социального выживания. Большинство его представителей отчуждено от политики и мало причастно к инновационно-предпринимательской деятельности. Наибольшее влияние на трансформационный процесс оказывает адаптационное и протестное поведение этого слоя. В последнее время расширяются и радикализируются общественные движения его представителей против падения уровня жизни, невыплат заработной платы, роста безработицы и проч. Дальнейшее обострение экономической ситуации может превратить данный слой в трудно управляемую силу.

Представители нижнего слоя общества обладают ограниченными адаптационными ресурсами, экономически и социально пассивны, склонны к подчинению судьбе. В этой среде преобладает фаталистический, деградирующий, саморазрушительный тип адаптационного поведения, ведущий либо к преждевременной смертности, либо к пополнению социального дна. В экстремальных условиях не исключается участие этой части общества в стихийных выступлениях и бунтах.

Социальное дно в переходный период существенно расширяется и становится более агрессивным. Криминальное и теневое поведение его представителей существенно тормозит становление правового государства, рыночной экономики и гражданского общества.

Горизонтальная проекция трансформационной структуры. Социальный статус — в числе других факторов — определяет только потенциальную возможность участия субъектов в соответствующих видах деятельности, но отнюдь не делает его обязательным. Реальные же виды и направления их социальной активности зависят от самых различных обстоятельств. Люди, имеющие сходный статус, но воспитанные в разных культурных традициях, прошедшие разный жизненный

путь и усвоившие разные ценности, могут иметь различные убеждения и, соответственно, по-разному действовать. В составе современного российского общества, пожалуй, наиболее четко выделяются группы, заинтересованные в либеральном и коммуно-патриотическом направлениях перемен.

Первые ориентированы на модернизацию общества в духе современных западных государств. Лидеры этого направления (Е. Гайдар, А. Чубайс, С. Кириенко) считают, что принципиальный курс проводившихся экономических реформ в целом был правильным и должен быть продолжен по существу, невзирая на лишения и протесты массовых групп. На наш взгляд, такая «непримиримая» позиция в известной степени родственна большевистской: независимо от того, хочет общество или нет, его хотят принудить двигаться к состоянию, отвечающему стремлениям правящего слоя⁶.

Коммуно-патриотическое общественное движение, напротив, ориентируется на традиционные российские ценности, многие из которых носят консервативный характер и не соответствуют вызовам времени. Это: православие, державность, империя, соборность, социальное равенство и др. По мнению его участников, идеи демократии и либерализма не соответствуют ни менталитету россиян, ни стратегическим интересам России, поэтому продолжение начатого курса реформ совершенно бесперспективно. Лидеры движения выдвигают задачи возвращения большей части приватизированных предприятий в государственную собственность, восстановления военной мощи страны, введения государственного регулирования цен, реставрации планово-распределительной системы и проч. Крайняя часть коммуно-патриотов готова добиваться этих целей методами политического насилия⁷.

Наряду с этими противоположными точками зрения набирает силу более взвешенная и реалистическая позиция, характерная для центристских движений. Ее суть заключается в том, что в условиях характерной для нашего времени глобализации процессов развития человечества повышение эффективности общественного устройства России является условием выживания. Однако попытки механического перенесения современных западных институтов на российскую почву обречены на неудачу: преобразования, не соответствующие национальной культуре, будут неизбежно отторгнуты обществом. Политическая, экономическая и культурная модернизация общества должна базироваться на стратегии, соответствующей укорененным в России нормам и ценностям, принимаемым и поддерживаемым большинством населения⁸. Делаются достаточно серьезные попытки обосновать такую стратегию⁹, однако социальные силы, стремящиеся «взять ее на вооружение» и способные бороться за ее воплощение в жизнь, пока еще только формируются. Правительству, занятому решением неотложных сиюминутных проблем, похоже, вообще не до

⁵ Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-22.

⁶ Наиболее полное выражение эта идеология нашла в коллективной монографии: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991-1997 гг. / Под ред. Е. Т. Гайдара и др. М.: ИЭПП, 1998.

⁷ См.: Экономические реформы в России: Итоги, перспективы / Отв. ред. В. П. Логинов. М., 1997.

⁸ См., например: Шмелев Н. П. Авансы и долги: Вчера и завтра российских экономических реформ. М.: Международные отношения, 1996.

⁹ Основные направления среднесрочной программы социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России 1998. № 1-2.

стратегии. Правда, по сообщениям газет, какие-то программы разрабатываются и время от времени публикуются, но какого-либо влияния на реальную жизнь России это не оказывает. Государственная Дума, только что пережившая выборы, занята собственными внутренними делами. Президент досрочно ушел в отставку, новые претенденты готовятся к выборам. Основная же часть населения не верит власти, отчуждена от политики и возлагает некоторые надежды только на В. Путина, способного навести в стране некоторый порядок.

Элементы трансформационной структуры российского общества. Социально-трансформационная структура России как таковая почти не исследована. Имеющаяся литература и эмпирические данные, связанные с этим вопросом, в лучшем случае позволяют построить теоретическую гипотезу, подлежащую проверке, развитию и уточнению. В порядке первого приближения элементами рассматриваемой структуры, на наш взгляд, могут считаться следующие социальные макросубъекты:

1. Либеральная часть правящего слоя, ориентированная на модернизационные ценности. Главными направлениями ее трансформационной активности в период нахождения у власти были приватизация и перераспределение государственной собственности, формирование новых политических и экономических институтов, налаживание их работы, стабилизация экономической ситуации. Значительная часть усилий тратилась этой группой на удержание и укрепление власти, преодоление постоянных внутренних и внешних кризисов (Чечня, Приморье, Белоруссия, НАТО и др.). Ее политическая деятельность совмещалась и совмещается с крупным частным и квази-государственным бизнесом.

2. Консервативно ориентированная часть правящего слоя. В настоящее время в ее руках сосредоточены как формальные, так и реальные рычаги управления транс-формационным процессом: принятие властных решений и контроль их выполнения. В состав этого макросубъекта входят верхнее и верхнее среднее звенья государственной бюрократии и сотрудников силовых структур. В политическом спектре эта группа близка к позициям левого центра. Она ратует за усиление роли государства в экономике, активизацию социальной политики и одновременно активно участвует в перераспределении власти и собственности.

3. Социал-демократическая часть верхнего и среднего слоев представлена активом соответствующих общественных движений и некоторой частью интеллигенции. Эта группа сравнительно немногочисленна, она не обладает ни властными позициями, ни широкой поддержкой трудящихся. Большинство ее составляют представители бывшего среднего слоя советского общества, не принявшие рыночных реформ в российском исполнении и видящие цель требуемых преобразований в создании социального рыночного государства. Наиболее заметную роль эта группа играет в модернизации институтов социальной сферы, формировании структур гражданского общества, а также в организации социально-протестных движений.

4. Коммуно-патриотическая часть верхнего слоя представлена преимущественно бывшей номенклатурой и, по крайней мере вербально ориентирована на традиционные советские ценности. Основные направления ее активности — борьба за власть на региональном и федеральном уровнях, оппозиционная деятельность в представительных органах власти, противодействие либеральным преобразованиям на местах, попытки рес-

тавационной деятельности в регионах «красного пояса», руководство соответствующими оппозиционными движениями.

5. Представители крупного капитала — «олигархи» и «новые русские» — представлены собственниками и менеджерами промышленно-финансовых корпораций, крупных банков, предприятий и фирм. Стратегические интересы этой группы связаны с развитием рыночных институтов, социально-экономической стабилизацией, укреплением правопорядка, а также интеграцией России в мировую экономическую систему. Однако стремление к личному обогащению в сочетании с неустойчивой обстановкой в стране часто толкает ее представителей к нарушению правовых норм и криминальному поведению. В последнее время заметно активизируется и ее лоббистская деятельность, направленная на подчинение политической власти своим интересам.

6. Лидеры организованной преступности и сросшаяся с ними часть верхних слоев составляют верхушку криминального мира. Деструктивная деятельность этой группы выражается в распространении терроризма, разжигании и затягивании военных конфликтов, крупномасштабных хищениях национальных богатств, криминальном вывозе национального капитала, торговле оружием и наркотиками, организации рэкета, заказных убийств и проч. Распространение этих явлений патологически извращает социальное содержание трансформационного процесса, угрожая в конечном итоге криминальным перерождением общества.

7. Бизнес-слой России состоит из квалифицированных специалистов делового профиля, а также мелких и средних предпринимателей — собственников и менеджеров сравнительно небольших, но достаточно устойчивых предприятий и фирм. Реформы дали этой группе экономическую свободу, повышение благосостояния и социального статуса, поэтому она поддерживает рыночные преобразования, сетуя лишь на недостаток государственной защиты и помощи, высокие налоги и коррупцию чиновничества. Инновационно-предпринимательская деятельность этой группы способствует постепенному «оживлению» рыночных отношений в экономической организации России.

8. Среднее звено бюрократии представляет государственное чиновничество, социально и экономически противостоящее массе трудящихся, занятых исполнительским трудом по найму. Благополучие бюрократии, как и в прежнее время, базируется на силе и благосостоянии государства. Поэтому она поддерживает и идею, и практику усиления и авторизации власти, прямого государственного вмешательства в экономику, вплоть до возрождения плано-распределительного хозяйства. Отсюда и в основном негативное отношение к либеральным реформам. В этом плане к ней примыкает *консервативно-патерналистское крыло бизнес-слоя*, представленное руководством государственных предприятий, не сумевших приспособиться к рынку. Главное направление их деятельности — лоббирование в целях получения государственной помощи, что на практике равносильно борьбе за возрождение советской модели.

9. Социально востребованная и адаптировавшаяся к рынку часть квалифицированных специалистов инженерно-технического и социально-гуманитарного профиля выиграла прежде всего от либерализации духовной жизни. За полученную интеллектуальную и политическую свободу она готова платить некоторыми экономическими трудностями, хотя часть ее не страдает и материально. Инновационная деятельность этой группы направлена главным образом на совершенствование институтов социальной сферы, развитие гражданского

общества, интеллектуальное сопровождение и поддержку либерально-демократических реформ.

10. *Относительно адаптировавшаяся часть базового слоя* (рабочих, крестьян, менее квалифицированных или не востребованных специалистов) занимает срединное положение в обществе и практикует широкий спектр видов трансформационной деятельности и поведения. Главными каналами влияния этой группы на ход общественных преобразований служат, во-первых, конструктивные формы адаптационного поведения, связанные со вторичной занятостью, интенсификацией труда, расширением личных подсобных и садовых хозяйств и проч., во-вторых, различные способы выражения организованного протеста против политики и конкретных действий власти.

11. *Неадаптированная консервативно-периферийная группа* объединяет аполитичную, не особенно образованную и не слишком дееспособную часть базового и нижнего слоев. Ей чужды либеральные ценности свободы, самостоятельности, успеха, риска и личной ответственности. Представители этой группы ориентированы на помощь государства, не получая которой испытывают растерянность, разочарование и недовольство. Отсутствие собственных убеждений делает их отзывчивыми на популизм, демагогию, экстремистские призывы. Консервативно-периферийная группа практически не вносит в трансформационный процесс какого-либо конструктивного вклада. Однако она заслуживает внимания и помощи власти как по гуманистическим соображениям, так и потому, что в кризисных ситуациях может составить резерв реакции.

12. *Маргинально-периферийную группу* составляют люмпенизированные низы, принадлежащие социальному дну. Это люди, отвергнутые большим обществом, отчужденные от его институтов и ценностей. Здесь преобладает неправомерное, деградационное, саморазрушительное и криминальное поведение, деструктивные формы протеста. Будучи относительно изолированной от общества, эта группа, на первый взгляд, не оказывает особого влияния на его социальную трансформацию. Но в действительности она служит питательной средой и ресурсной базой преступности. Поставленная на порог выживания и разогретая оппозицией, она является одним из наиболее вероятных субъектов бунтов и погромов.

13. *Широкое основание криминального мира*, о вершухе которого сказано ранее (см. пункт 6), объединяет лиц, занятых мелкой преступной деятельностью или участвующих на второстепенных ролях в организованной преступности. Это мошенники, жулики, махинаторы, рэкетеры, шантажисты, грабители, взломщики, насильники, террористы, убийцы и проч. Эта группа заинтересована в продлении общественной анонимии и правового беспредела, обеспечивающих свободу и безнаказанность криминала.

Мы описали гипотетическое строение трансформационной структуры современного российского общества. Дальнейшие задачи исследования нам видятся в том, чтобы: дополнить и уточнить типологию макросубъектов трансформационного процесса; идентифицировать выделенные типы субъектов с помощью данных социологических опросов, определить их социальные и культурные характеристики, количественное соотношение и динамику; выявить содержание и специфику отношений и взаимодействий выделенных групп; оценить особенности трансформационной структуры и реформаторский потенциал России по сравнению с другими постсоциалистическими странами.

Юрий ЛЕВАДА

Человек лукавый: двоемыслие по-русски

Согласно данным последней волны исследования «Советский человек» (март 1999 г.), только 3% опрошенных полагают, что на выборах в нашей стране побеждают «более достойные»; по мнению 83%, побеждают «более ловкие». (Такое распределение суждений присуще, с небольшими колебаниями, всем социальным слоям и политическим группам — без каких-либо исключений.) Сразу же после выборов в Государственную Думу 50% опрошенных оценили эти выборы как «не очень честные» или «совсем нечестные». И тем не менее в том же опросе большинство (55% против 27) выразили удовлетворение их результатами. Представляется, что объяснение этого явного — и весьма типичного! — парадокса массового сознания следует искать в самом характере используемых им критериев, стандартов оценки социальных процессов и событий, т.е. действующего в наличных условиях нормативного поля человеческого существования.

Как показывают наблюдения и исследования, это поле многомерно (или, по модной политической терминологии, «многополярно»): в нем одновременно сосуществуют различные критерии, точки отсчета, системы координат нормативных оценок — допустимого, полезного, правильного и т.д. Кроме того, сами критерии, как правило, оказываются условными и размытыми, это не жестко определенные императивы, а скорее рамки допустимого, относительно терпимого («можно терпеть», «не самое худшее зло» и т.п.). Подобный характер нормативного поля человеческого существования формирует лукавые типы поведения и характерные черты их носителя — «человека лукавого». Он приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, т.е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры», и в то же время — что не менее важно — постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать собственное поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример «других» («надо жить», «все так» и проч.), то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга («высшие интересы» и т.п.). Непрестанная смена общественных настроений «эпохи перемен» — смена увлечений и разочарований, взлет и падение персональных рейтингов и т.п. служат показателями заведомой легковесности каждого выбора, заложенной в нем доли лукавого самообмана («авось повезет на этот раз...»).

Результаты упомянутого исследования, как и другие данные массовых опросов, дают обширный материал для анализа различных сторон лукавого поведения. Эмпирически обоснованное исследование знакомой нам стадии лукавого поведенческого типа могло бы быть полезным и для понимания иных его видов.

Универсальные черты и «советские» особенности поведенческого типа. Конечно, лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов. Когда, скажем, опрос показывает, что среди современных россиян только 11% (из них 7% мужчин и 14 женщин) могут сказать, что «никогда никому не лгали», а 32% (из них